

Татьяна РИЗДВЕНКО

Татьяна Риздвенко родилась в 1969 году в Москве. Окончила худграф Московского педагогического университета. Была художником по росписи фарфора, преподавателем живописи, журналистом, копирайтером, руководила литературной студией для подростков в Доме Щепкина. Живёт в Москве. Стихи, проза, рецензии печатались в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Арион», вестнике современного искусства «Цирк “Олимп”+TV», поэтических антологиях. Автор пяти поэтических сборников. Предыдущая публикация в «Волге» – «Ротонда-трип. История одного проекта» (2021, № 11-12).

РАССКАЗЫ С АНЕЙ

1.

Зачем нам Дима

У входа Новую Третьяковку я увидела однокурсника Дима. Высокий красавец, он, конечно, немного полинял, как и все мы, но очертаний не утратил и был вполне узнаваем.

Я стояла за ним в очередь через рамку. Дима меня не заметил.

Чем я и воспользовалась.

Мерзкая черта: случайно встречая знакомых, стараюсь себя не обнаружить. Скрыться, раствориться. Почему? Ну, не хватает ресурса. Я всегда тороплюсь. А случайная встреча требует остановиться, включиться, поболтать. А ты, а ты...

Выбиться из графика и трафика.

Ты интроверт, говорит дочка.

Говноверт.

Вообще-то я договорилась встретиться подругой. Настроилась на уютный поход, радость взаимопонимания, удовольствие совместных наблюдений.

А потом – пойдём в кафе и всласть наболтаемся. Ведь сто лет не виделись.

Аня была уже на месте, я опаздывала. В Третьяковку на Крымском текли люди. Холодным октябрьским вечером они шли на свет искусства. Смотреть выставки – удовольствие не самое простое, и тем не менее.

Я сдала пальто в гардероб, успела накрасить губы, и только после этого выудила Аню из музейного магазинчика.

Мы пошли к кассам. Я была уверена, что Дима давно наверху, но тут он меня окликнул.

Более того:

– Вы куда?

– На Митурича.

– И я на Митурича! Идем вместе?

Мы изобразили оживление. Верней, я изобразила, а моя подруга Аня по-настоящему

радушный и приветливый человек. Она всегда с удовольствием знакомится и легко корректирует планы.

Дима подождал, пока мы купим билеты. Высокий, сутуловатый, в темном, он стоял у подножия долгой лестницы, но Аня повела нас к лифту. Дима-художник (вообще-то мы все трое художники) рассказывал о выставках, которые он здесь в последнее время посетил.

Возмущался, что не издаются каталогов.

Лифта пришлось подождать. А потом случилось смешное.

На втором этаже подвели три нарядные дамы с бейджиками. Дима продолжал ворчать, мол, Третьяковка не издает каталогов.

– А ничего, что мы сотрудники Третьяковки? – весело сказала одна из женщин и указала на свой бейдж. – Всё мы издаем! Есть каталог Митурича!

– Я не видел, – возразил Дима.

– А вы бы спросили, – парировала она. – Мы всегда издаем каталоги, когда выставка. А когда развернутая экспозиция – не издаем.

Мы с Аней разулыбались. Дамочки были симпатичные, примерно наших лет. Они ехали на открытие выставки казахского искусства. «Ваш зал – следующий», – подсказали служительницы искусства.

Решили идти напрямик к Митуричу, ни на что не отвлекаясь и никуда не сворачивая, но немедленно зацепились за Малевича. А потом зависли в залах сурового стиля. Дима в нем хорошо разобрался, проявлял компетентность.

Его волнение заражало.

Так мы втроем поймали первую волну. С Аней и Димой мы учились в художественных вузах, а до того в художественных школах, и были примерно ровесники.

Нас сделали на одном конвейере. Это трудно объяснить, но в чем-то мы были удивительно похожи. Одинаково чувствовали и воспринимали – в некоторых ситуациях.

А именно на выставках и в музеях.

Втроем мы зависли у картины Виктора Иванова. Это был групповой портрет советских художников в легендарном кафе «Гресо». На столе перед мужчинами стояли пять стройных бокалов с красным вином. По виду и позам мужчин, по не гармонирующим с ними бокалам было понятно, что герои картины воспитывались на других напитках.

Наверняка автор не хотел такого эффекта, но чувствовалась скованность людей, впервые выбравшихся за границу. Они сидели в прославленном и даже символическом месте. Гоголь писал здесь «Мертвых душ», и что-то пил Байрон, а де Кирико заходил на аперитив. Кафе было основано в 1790-м году, а картина написана в 1973-м, без малого через двести лет.

Художники Зверьков, Жилинский, Коржев, Оссовский и сам Виктор Иванов тесно сидели за маленьким столиком исторического кафе, на красном бархатном диване. В странной задумчивости, в тишине. Нетронутые стояли перед ними пять бокалов.

А мы стояли перед картиной в странном оцепенении.

Вокруг расстилался зал Виктора Иванова. Я совсем не знала этого художника, а Дима знал, ходил на его выставку. Работы Иванова меня неожиданно тронули, хоть я и не поклонница сурового стиля.

Чем-то похожий на Попкова, но иной, – качественный художник, честный, профессиональный, со своими темами, выразивший время, хорошо знавший историю мировой культуры.

– А с Попковым мы оба из Мытищ, – произнес вдруг Дима, указывая на висящих в отдалении «Строителей Братска». – Недавно мытищинские художники посещали его могилу, а я не смог. Работал в тот день.

– Вставай, – я кивнула на картину, – сниму тебя со строителями Братска.

Высокий Дима притулился сбоку, но я велела стать посерединке, он странно развел руки, и я сфотографировала его на фоне Виктора Попкова.

Мы немного потоптались у работ скульптора Цаплина. Рифмуясь с фамилией, Цаплин был анималист, причем хороший. Собственно, чему тут удивляться. В Третьяковке висят только хорошие художники.

Потом мы застряли у картин Юрия Злотникова. Справа по ходу висело ранее полотно «Улица Горького», я сняла на его фоне Аню, злотниковскую ученицу.

Следом потянулись лианозовцы. Немухин, Рабин, Краснопевцев. Работы Льва Кропивницкого. Юной и наглой выпускницей Худграфа, решившей стать журналисткой, я ходила ко Льву Евгеньевичу брать у него интервью. Ну, как ходила, меня привел мой друг Володя Тучков. В мастерской на Старой Басманной, в знаменитой мансарде, нас усадили за стол. Угощали рисом по-хански, а все шутили, что «по-хамски». Выяснилось, что я пишу стихи. Маэстро, как его все называли, попросил почитать. Льву Евгеньевичу понравилось, так два моих стиха вошли в «Мансарду», литературно-художественный альманах Кропивницкого. Когда спустя какое-то время я пришла за авторскими экземплярами, Кропивницкий болел, а вскоре умер.

Тогда же я познакомилась, а потом и подружилась с художницей Олей Зыряновой, музой Кропивницкого. Оли не стало прошлой весной.

– Как интересно, – сказала Аня. – И странно... Ходим по Третьяковке, по постоянной экспозиции, а кое-кого из этих художников мы знали лично.

Меж тем добрались до выставки казахского искусства. По случаю открытия было оживленно, софиты жарили, а знакомые нам дамы из лифта давали интервью молодым телевизионщикам. Мы аккуратно помахали им, кураторши в ответ улыбнулись.

Полыхнуло синим: добрались до Митурича. Выставка была оформлена в ярко-синих цветах мая и Май.

Мы сразу разбрелись, даже разбежались, хотя до того держались группкой. Хорошее искусство требует интимности. Важно смотреть его поодиночке, а потом сличать впечатления.

Мы двигались, сталкиваясь и снова разлетаясь, как нейроны. Вдруг я заметила, что Дима

обсуждает картины с симпатичной молодой особой. Услышала ее умную реплику. Странно, меня это задело. Дима пришел на выставку с двумя привлекательными женщинами – нами, и вот еще и с третьей разболтался...

Какая удивительная... что? Общительность? Открытость? Коммуникабельность? Да, пора признаться, чужая спокойная раскованность меня задевает... Триггерит.

Но я отвлеклась. Выставка доставляла наслаждение. Не зря мы на нее стремились и примчались в последние дни работы. Май Митурич – художник высочайшего класса, а хороший вкус не дал ему впасть в майстризм, в самоупоение. Чувствовались ум и самоирония.

Стиль его сравним с иероглифическим письмом. Мастер, конечно, знал об этом. Авторская подпись-печать кораллового цвета была стилизована под японский иероглиф. На выставке имелось несколько иллюстраций к хокку.

– А ведь это все руками, – внезапно сказал Дима над моим плечом. Мы стояли у стенда с книгами Митурича, обложки которых он рисовал и писал сам. – Компьютеров, как известно, не было.

Может показаться, что Дима тут капитан очевидность – но не мне, учившейся вместе с ними на Худграфе. Мы застали пытку антиквой, вычерчивали буквы, специализация – учитель изо и черчения...

Вдоволь напившись синего майского Митурича, мы уже могли общаться и обсуждать увиденное, снова сойдясь в троицу. С Аней мы использовали Диму для фотографирования нас вдвоем, принимали изящные позы на синих банкетках, а Дима снимал, отходя и приседая. Обычно приходится просить об этом посторонних людей. Удобно, когда есть кто-то свой.

Тем более, художник.

Засобирались назад. У нас с Аней был план поболтать в музейном кафе.

- Мне как-то не хватило, – сказал Дима.
- По-моему, идеальный объем, – возразила я. – И не устали.
- Очень хочется кофе, – заключили Аня.

Навстречу шли принаряженные восточные люди. На казахскую выставку, догадались мы.

- Ну, мы в кафе, – объявила я, когда мы добрались до гардероба.
- Я с вами, – сказал Дима. – Только возьму из куртки карту, и догоню.

Повеяло святостью. Или беспечностью... Кто сдает в гардероб деньги и документы?

В кафе нам повезло захватить отличный круглый стол. Я села сторожить, Аня отправилась за кофе. К нам присоединился Дима с картой, которая, слава Богу, не пропала.

- На столе сделалось тесно от кофе и еды.
- К тому же Дима принялся выгружать из рюкзака пластиковые контейнеры.
- Осталось после смены. Виноград мытый. Колбаса, лаваш, ешьте.

При виде колбасы у меня загорелись и вновь потухли глаза. Фантомные боли ЗОЖевца.

– Где ты работаешь, если не секрет? – я отщипнула виноградину.

Дима всыпал в свой капучино несколько пакетиков сахара.

– У меня две работы. Предложили объект охранять. График хороший, трое через трое. Платят более-менее. Нормально, меня устраивает. И еще в керамической мастерской...

Я пила кофе и переваривала услышанное. Про керамику я знала по FB, это была видимая часть Диминой жизни. Обручальное кольцо у него было надето не на той руке. Значит, разведен. Работает охранником. На выставки ходит после смены... Домой не спешит.

Нет, любые работы хороши, всякий труд почетен. Поколение дворников и сторожей шло и ушло перед нашим. Но после худграфа он мог бы подвизаться графическим дизайнером. Иллюстратором. Преподавать в вузе или в художке. Мало ли работ, связанных с изобразительным искусством...

Дима меж тем рассказывал про еще одну свою работу. Два года подряд он занимался рисованием с девочкой-инвалидом. Ее родители нашли Диму на профи.ру, и как-то они поладили, Дима и девочка. Ведь два года регулярных встреч – это очень много.

Инвалидность была связана с физическими ограничениями. И с ментальными.

Родители над ней тряслись, рассказывал Дима. Все для девочки делали. При этом в семье подрастала еще одна дочка, младшая. Умница, красавица, отличница. Чемпионка по фигурному катанию. А родители старались только для старшей...

– Вот у меня брат инвалид, – буднично произнес Дима. – Маме не надо было рожать второго ребенка, врачи запрещали. А она родила. Инвалид детства. У него все работает... как сказать... ну, на сорок процентов. И наши родители тоже все всегда для него делали... Старались, вкладывали. А он вырос бездельником. Хотя работать может. На простых работах. Курьером.

– А... а с кем он живет? – спросила я, слегка опешив. – Кто за ним... ухаживает?

– Я, – сказал Дима. – Мы вместе живем. Пока жив был отец, тот его пинал, заставлял работать, шевелиться. А сейчас брат целыми днями плюет в потолок. Пенсию получает. По монастырям ездит. Паломничества... Какая вкусная здесь «картошка», – заметил он, доедая крошечное коричневое пирожное.

Вот тебе и Дима, любитель искусства. Дима с лавашом и виноградом. Едущий после работы на Крымский вал посмотреть Митурича. Неплохо сохранившийся, высокий, спокойный. С большими хрящеватыми ушами. Привлекательный.

– Так, давайте виноград доедим, – сказал он. – Не оставлять же. Девчонки, берите.

– Я не могу, – сказала Аня. – у меня гастрит.

Мы разделили с Димой оставшийся кишмиш, получилось по горсти на брата.

Из Третьяковки вышли сроднившимися. Расходиться не хотелось.

Мы будто сплели вокруг себя теплый невидимый кокон и стояли в нем.

– Ты с нами? – спросила я. – Мы до Парка Культуры.

– Я до Октябрьской, – плечом показал направление Дима.

...Будто от Октябрьской до Мытищ было сильно ближе, чем от Парка Культуры...

Улыбнулись друг другу, я потрогала Диму за рукав, и мы разошлись.

2.

Встреча во вторник

Мы с Аней снова договорились встретиться. Аж на следующий вторник, а был еще только четверг, – такой горизонт планирования.

Выбрали пойти на выставку художника Немухина в Третьяковке на Крымском – географически туда же, куда ходили в прошлый раз и где встретили Диму.

Потом, разумеется, собирались засесть в кафе и потрещать. В этой трескотне заключался отдельный соблазн наших встреч.

Значит, на вторник была запланирована встреча, а в понедельник мне позвонил Глеб – неудачно, во время другого разговора.

Притом, что я очень редко говорю по телефону.

Глебов звонок я сбросила, он набрал вторично.

Занята позв ч 20 мин, написала я

Но, конечно, все уже поняла. И немедленно перезвонила.

Худшие мои предположения сбылись. У Глеба умер отец. Он сильно болел в последнее время. Когда похороны? Завтра. Если я смогу... наверное... скорей всего... конечно, я приду.

Поддержать друга, потерявшего отца.

Встреча, Немухин, Третьяковка и кафе таким образом отменялись.

Ане я тут же написала, что иду завтра на похороны.

И она сразу ответила, что присоединится.

Дружба тонкое дело... Не всегда, но часто, когда люди дружат, круги их равномерно перемешиваются. И друзей становится в два раза больше.

Так мой давний друг Глеб подружился с Аней. Это произошло не автоматически, простым перемешиванием во время денрожденных встреч, и не потому, что они живут на одной станции метро. А путем взаимной симпатии и вследствие родства душ.

...Мы с Аней встретились на метро улица Народного Ополчения, обе приехали раньше времени. Вызвали такси. Дул ветер, летела в лицо снежная крупа: идеальная похоронная погода. Добрались до Салям Адиля. Искали на территории больницы морг и ритуальный зал, как обычно, расположенные на задах.

По дороге встретили трех растерянно озирающихся женщин.

Тоже ищите в морг, участливо спросила Аня. Они отпрыгнули от нас – оказалось, им нужна была поликлиника.

Сбор похоронных гостей в конторе морга... что я вам буду рассказывать. Нет на свете ничего печальней и томительней.

И будничней. Единственный туалет – без зеркала, плохая примета? – работает на износ. Партии провожающих сменяются: вы нас не пропустите? Мы уже уезжаем кладбище. Конечно-конечно, о, взаимопонимание братьев по несчастью, политес печального места.

У гроба Глебова папы я рыдала в три ручья, подтирая пальцем тушь. Не потому, что я профессиональная плакальщица с повышенной чувствительностью и отзывчивой эмоциональностью. И могла бы этим подрабатывать. Просто впервые за 35 лет я увидела моего друга плачущим. Ссутуленный, с серым лицом, каким он вышел из конторы ритуального зала, от плача Глеб даже порозовел.

Притом отношения его с отцом не были радужными. Тысячу раз нет. Но, переживание потери, эта последняя близость...

Через 15 минут четверо высоких мужчин, похожих на актеров или конферансье, накрывают твоего папу крышкой. Аккуратно и сноровисто привинчивают ее.

Все! Папа и лежащие в ногах у него цветы – много, хотя провожающих всего семеро – упакованы в гроб, обтянутый атласом шоколадного цвета...

Плакали только я и Глеб. Нежная и мужественная его подруга сказала, глядя на умиротворенное лицо покойника: спасибо за любовь всей моей жизни.

Как красиво сказала! И правдиво – Надя действительно обожает моего друга, души в нем не чает.

А первым взял слово Глеб. Меня поразило, что обращался он к отцу, а не к нам, провожающим. Обычно об усопшем говорят в третьем лице: был, оставил, создал.

Папа, в завершении своей короткой речи сказал Глеб, я хочу, чтобы ты знал, я люблю тебя.

Сомневаюсь, что Глеб говорил отцу что-то подобное при жизни. Сентиментальные признания не в чести у мужчин поколения, которому мы с ним принадлежим. Сейчас люди более чувствительные, нежные, открытые, проговаривающие.

Содрогаясь от жалости, я гладила Глеба по рукаву серой куртки. Аня корректно стояла за родственниками, а всего, повторюсь, нас было семеро. Очень пожилая мама Глеба давно не выходила из дома.

...Когда пять лет назад ушел мой папа, на его похороны собралось человек тридцать. Ядро составляли туристы, как мы их называли, – дружная команда байдарочников, в которой папа состоял больше пятидесяти лет. Когда у родителей завелась я, оба они уже принадлежали к этой славной компании, в которую моя мама вошла двадцатитрехлетней. Папа, старше на ее семь лет, был там старожилом и основателем.

Туристы задавали тон на похоронах. Было много воспоминаний, и почти все забавные. На поминках они согрели нас. Мы смеялись. Дым костра создает уют... Но до поминок еще надо было доехать.

Звучали надгробные речи, а до того, по-нашему с сыном решению, запустили через колонку «Синий троллейбус» Окуджавы. Одна из самых любимых папиных песен, она очень его отражала – старого москвича, родившегося на Малой Бронной, инженера, романтика, шестидесятника, человека начитанного, тонкого, по-настоящему интеллигентного.

В этой же логике папин гроб был обтянут синим атласом. Безвкусно? Я не знаю. В плену горя, вынужденной деловитости, необходимости быстрых решений, мы шли на поводу у прямых ассоциаций.

Такие вещи же не продумывают заранее...

Над папиным гробом звучало:

*Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний, в случайный.*

*Последний троллейбус, по улицам мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье, крушенье.*

И папа в своем синем троллейбусе тихо уехал, дело было в крематории Николо-Архангельского кладбища. Пока мы находились в зале прощаний, выпал снег, выбелив окрестность, до того серо-черную, несмотря на февраль. Интересно, что мироздание хотело нам сообщить? Что значила эта примета?

Тридцать провожающих загрузились в несколько транспортных средств и двинулись на поминки в кафе «Старый город». Хорошо помню все связанные с этим организационные усилия. Приведшие к неплохому результату, душевным проводам, уютным, дружным поминкам.

Через четыре года мы поминали маму в этом же кафе, прекрасно себя зарекомендовавшем. Друзья, стесняясь, признавались мне, что не могут забыть того поминального пира, замечательно вкусного. Так вот, к моменту маминого ухода кафе было отремонтировано, модернизировано и переименовано. Теперь оно называлось «Red» Кормили здесь все так же вкусно. Набили руку на проведении поминок...

Сейчас, при полном отсутствии видимых изменений, кафе называется «Дубай».

...Вышли отведенные нам пятнадцать прощальных минут. Усталый немолодой мужчина в халате, работник морга, напомнил забрать фото усопшего. На нем Глебов папа походил на артиста Никоненко в молодости – и на моего друга.

Кстати, четверо из семерых провожающих были родственники, родовые черты проявлялись заметно, бросались в глаза. Это были немолодые красивые люди разной степени

поблеклости.

...Мы вышли из зала прощаний вслед за гробом. Церемонные черные мужчины в белых перчатках точно рассчитанным движением вдвинули его в катафалк. В Митинский крематорий Глебова папу сопровождала агент, молодая женщина с профессионально-участливым лицом. Она вручила Глебу папку с документами, негромко проинструктировала; микроавтобус тронулся.

Родственники почему-то отказались ехать на поминки. Вчетвером – я, Аня, Глеб и его подруга Надя – переместились в кафе близ Новослободской. Этому предшествовала странно умиротворяющая, убаюкивающая поездка в такси; только Глеб на переднем сидении судорожно вздыхал, или разыгралась его старинная астма. Самое тяжелое осталось позади, все негромко переговаривались, а я жадно рассматривала дневную, трезвую, буднюю Москву. Поездка воспринималась как внезапный отдых, передышка. Я не напрасно смотрела в окно, обнаружила неизвестный мне Пыхов-Церковный переулок с высоченной красно-копченной колокольной необитаемого вида – вот так трофеей.

Мы вышли у «Джонджоли» на Новослободской. Здесь было малоллюдно, мы выбрали уютно и укромно расположенный столик на втором этаже. Как только веселый, даже слегка развязный официант принес меню, мне прилетела в ватсап срочная редактура, работа. Я отсела, сразу окуклилась чужим текстом с его мыслями и странностями, все остальное стало посторонним и мешающим. Это могло бы показаться неприличным, если б не камерный, дружеский характер поминок. Все мы просто смылись с работы на похороны, пользуясь прелестями аутсорса.

Аня сделала заказ за меня. Тыквенный суп, хинкали и... Что будем пить? Конечно, водку.

Магия поминок заработала еще до того, как подняли стопки. Вспоминали усопшего, лично не знакомого только Ане. Пили не чокаясь, а потом уже чокаясь, за дружбу и за каждого из нас.

Я вспомнила, что отец Глеба любил готовить. В семье этим занимался именно он. Правда, чего-то особенно вкусного и выдающегося я не помнила. Но ведь готовить это не только про изыски, но и про ежедневную рутину.

Но я напрочь забыла, что по образованию он был пищевой технолог, профессиональный кулинар. Работал в кафе. Сменил специальность: отрасль была тогда криминогенной и опасной. Пошел по экономической линии.

Вчетвером мы сидели за столиком в «Джонджоли», все в черном, посередине отпотевал графинчик. Если бы рядом оказался хороший художник, он рассмотрел бы в этом мотив. Пожалуй, композиционно и сюжетно нас можно было бы срифмовать с работой художника Иванова из предыдущего рассказа. Там советские художники сидели, замерев над бокалами красного в римском кафе «Греко». У нас стопки не стояли без дела, а то и дело взлетали.

Вскоре появилась еда. Она была неплоха, но водка царила и перетягивала внимание на себя. Девушка Глеба закусывала сметаной, подсоленной прямо в ложке. Наверное, зря я не последовала ее примеру, потому что водки оказалось чуть больше чем нужно. С другой стороны, нам требовалось опьянеть. Воспоминания становились теплей, глубже. Кафе к вечеру наполнилось, пошумнело, все столики были заняты, но наша маленькая компания сидела в собственной капсуле тепла, уюта, взаимной приязни.

– Знала бы ты, как я ревновала, – сказала вдруг Надя с пьяноватым задором. Она сидела рядом с Глебом и весело смотрела на меня. – Как ревновала!

– Кстати, Надя! Ты собиралась рассказать нам про свою дочку и ее операцию, – напомнила я. У меня не было задачи отвлечь девушку Глеба, переключить ее внимание. Мы были спонтанны как дети. И Надя рассказала, как ее дочь вскоре после родов вдруг почувствовала себя плохо... как вдвоем с зятем они выхаживали малышку, пока ее молодой маме делали операцию на желчном пузыре. И как, молодцы, они со всем справились.

Вот вам красивая деталь, девушка моего друга – молодая бабушка. Юная бабушка, кто целовал... Кто-кто – Глеб!

Надя посмотрела на часы. Пора ехать, – напомнила она моему другу. Им предстоял второй этап поминок, с Глебовой мамой.

Мы расстались у Новослободской. Глеб и его девушка свернули налево в метро, а мы с Аней направо, в сторону Миусской площади. Решили пройтись.

Итак, как и планировалось, мы увиделись с Аней во вторник, только сценарий оказался другой. Человек предполагает, а Бог располагает, любила повторять моя мама.

Сытые, умиротворённые, с чувством выполненного долга, мы с Аней шли уютными улицами, болтая обо всем на свете. Мы отдали дань смерти и были в этот момент полны жизни даже сильнее чем обычно. Контрасты, тени, рефлексии – художники, мы с ней понимали, как это устроено.

Будто специально нам встретился магазин «Передвижник», товары для художников. Зайдем, попросила Аня. Внутри оказалось уютно и увлекательно, приятная теснота из множества вдохновляющих предметов. У художников и тех, кто к ним примкнул, текут слюнки в таких местах.

А вот писатели – чем нужно наполнить магазин для писателей? Назвать его можно было бы в той же логике... «Серрапионовы братья». Но что продавать в таком магазине, чтобы писатели, входя сюда, теряли разум и наполняли корзинки и тележки товаром... каким?

Не книгами же?

Словно разделяя мои сомнения, с антресоли, куда вела деревянная лесенка, смотрели гипсовые головы мыслителей, богов, полководцев. Вольтер, Сократ. Дидро. Будда. Гаттамелата, Колеоне. Венера и Давид стояли плечом к плечу, подставка к подставке. Знакомые все лица. Для выучеников художек и выпускников художественных вузов это были родные люди.

Мы с Аней купили по маленькой, но недешевой ерунде, она специальный карандаш для набросков, а я очередной, наверное, уже сотый блокнот. Вообще-то он для зарисовок, но я буду в нем писать.

Создатели будущей сети супермаркетов для писателей «Серрапионовы братья» должны взять на вооружение блокнотики всех размеров и установить стенд с ними прямо у касс. Ибо

делать записи в заметках на телефоне или, хуже того, в компьютере давно уже дурной тон. Но чем же им наполнить остальное пространство магазина?

Не справочниками же по писательскому мастерству?

...Как ни хотелось нам расставаться, у Пушкинской это пришлось сделать. Мне пора было домой, Аня собиралась пройтись по Тверской к ее началу и сесть там на свою красную ветку. Мы как птицы садимся на разные ветки, бормотала я, усаживаясь на своей фиолетовой – между полной красиво одетой дамой и буйно-кудрявым подростком в наушниках.

Мы как птицы садимся на разные ветки и засыпаем в метро, пела группа «Високосный год» голосом твоей первой любви, – рано ушедшего талантливого Ильи Калининкова. Впрочем, название группы, развалившейся сразу после смерти ее лидера, будто бы уже содержало в себе возможность такого исхода...

3.

Подумаем, сделаем кружочек и вернемся

Следующая наша встреча случилась уже в новом году. Заложник аутсорса и домашний сиделец, я просилась на люди, на выставку, но Аня переела выставок. Она предложила альтернативу, компромисс между искусством и шопингом, – ярмарку на Кузнецком мосту, в доме художника, который в остальное время работает выставочным залом, а в предпраздничное торгует всякой праздничной чепухой с намёком на подарки. Подарки не любые, а с артистическим душком, и публика там не абы какая, а околхудожественная, с претензией.

Типа нас.

Прямо у входа гостей встречали шапки. Они застали меня и Аню врасплох – мы вошли с мороза, обнажили головы и не успели обжиться в тепле. Шляпки и шапки всех видов и мастей лежали, высились на специальной подставке. Сидели на головах примерявших их женщин. Аня померила кубанку и моментально стала главной в этом шляпном закутке. Головные уборы идут ей, Аня и без них-то звезда, а вместе они сила.

Женщины стали поглядывать в нашу сторону, продавщица приняла охотничью стойку, но не торопилась. Мы начали хаотично и азартно мерить шапки, кепки, токи, и они были нам к лицу, или это особенность ярмарочных зеркал, магия таких мест.

Мы ничего не планировали покупать, но почувствовали острую, нестерпимую потребность в головных уборах. Тем более что зимы осталось еще на неделю, а март у нас сами знаете какой. Аня окунула черноволосую кудрявую голову в изумрудную папаху из каракульчи, и зал на Кузнецком просиял от ее красоты.

Шапка стоила ощутимых денег.

– Натуральный мех! Берите, – интимно понизила голос подкрававшаяся продавщица. – Мехов уже больше не будет! В этом году торгов не было. Берите, это последние.

Мы с Аней не мехозависимые, но после таких прогнозов нам стало страшно.

Помните воспоминания Тэффи, Москву 1918 года, атмосферу конца света?

«На углу, в москательной хозяйка продает кусок занавески. Только что содрала, совсем свежая, прямо с гвоздями. Выйдет чудесное вечернее платье. Вам необходимо. А такой случай уж никогда не представится. Берите бархатную портьеру, только что сорвали. Совсем свежая, еще с гвоздями...

Ужасно не люблю слово “никогда”. Если бы мне сказали, что у меня, например, никогда не будет болеть голова, я б и то, наверное, испугалась».

Мы еле убежали от шляпной предсказательницы. Обещали подумать, сделать кружок и вернуться. Я поняла магию шляп и шляпок. Живучесть шляпного предпринимательства. На шляпках разминалась великая Шанель... Сколько времени мы провели у темноватого зеркала в шляпном углу? Полчаса, час, эпоху?

Потом мы стали жертвами пальто, особенно я. Я отбивалась – у меня уже есть пальто. Сопротивления было отчаянным, но опытная продавец ворковала, окидывала меня взглядом – вы у нас... 44, 46? ... померить, только померить, никто не заставляет покупать, позвольте я вам застегну... подтяну... расправлю... Зеркало предъявило страшно довольную собой элегантную леди... стоимость пальто уже не казалась астрономической. Эта вещь согрела мое самолюбие... мы еле улизнули.

В следующий капкан угодила Аня. Снова шапки, они охотились на нее, нападали, напрыгивали. Приманками выступили ушанки, ярко-розовая и цвета лайма, – они не хотели слезать с Аниной головой и очень шли ей, но гибрид папахи и берета из искусственной норки взял вверх. Шапка была классная, с легчайшей придурью и сверкающей брошкой чуть выше лба. Аня предстала в ней сахарной боярышней с пушистыми ресницами и розовыми щеками, и продавщицы замерли в неподдельном восхищении. Но не так мы были просты, чтобы взять и купить. Обещали подумать, сделать кружочек и вернуться, но наживка была проглочена.

– И ведь не дорого! Я в продуктивном магазине меньше 2 тысяч не оставляю, – уговаривала себя Аня. Я не возражала. Мы шли мимо оправ, чудо-чаев, украшений, кашемировых маек, талисманов, волшебных масел, юбок-брюк, джемперов, перчаток и нескончаемой косметики.

Следующий омут искушений оказался подстроен для меня. Нижнее белье, похожее на выброшенные на берег медузы... подобное носила моя бабушка, самая элегантная женщина в мире, похожая на Маргарет Тэтчер, но намного красивее.

Никакой глупой эротики, тесноты, обтяжек. Простор для тела и воображения, сдержанные 50-е, но, конечно, не в советском исполнении, прекрасное ретро... Бантики... Разумеется, моя строгая бабушка не прохаживалась при внуках – нас у нее было четверо – в белье. Как вам такое могло прийти в голову? После бабушкиной смерти мы с мамой разбирали ее платяные шкафы, содержащиеся в идеальном порядке, с мешочками апельсиновой цедры, – и там встретили это ангельское белье, нисколько не нарушившее цельность моего представления о бабушке. Скорей, эта находка преподавала урок самоуважения мне, в ту пору 23-летней выпускнице столичного вуза.

...Аня аккуратно утянула меня из бельевого чертога, и мы пошли дальше.

Многие торговцы на ярмарке казались смутно знакомыми. Полуартистическая среда, околотворческое предпринимательство, близкие сферы. Здесь было много художественных женщин – тип, мне очень понятный и совершенно не близкий, но именно в логике одноименных частиц. Среди бесконечного текстиля, бижутерии и косметики мы наткнулись

на пищевой отдел. Гора сладостей, делающих вид, что они полезные и безгрешные, завладела Аниным вниманием. Она интересовалась сладостями без сахара – кажется, это оксюморон, но продавец, проявляя недюжинное знание ассортимента, повела ее по лабиринтам своего товара.

Я тоже не скучала. Я изучала развал военных пряников – а как еще назвать кондитерские изделия с пушками, дронами, винтовкам, ракетами и пулеметами, искусно напечатанными на белой и розовой глазури. Стоили в канун 23-го эти пряники недешево. Остроумно – съедешь полезную сладость на праздник, и дом не загромождаешь, и здоровье не портишь, и дань отдаешь, календарный политес соблюден. Я порадовалась за чью-то маркетинговую смекалку. Обещав подумать, сделать кружочек и вернуться, мы с Аней вернулись – да, за шапкой.

Она была на месте. Сделанный из искусственной норки, головной убор казалась живым существом. Его следовало класть не в пакет, а в коробку с просверленными дырками, с запасом еды в качестве приданого – что там едят искусственные норки? – и тючком соломенной подстилки. Аня перевела деньги даме-продащице, они наговорили друг другу кучу любезностей, вплоть до... «Знаете, у вас такое лицо... как бы это сказать?.. удивительно добро!» «Инна Григорьевна К? А у меня сына зовут Григорием, в честь дедушки». «Григорий – самое красивое мужское имя, и лучшее для отчеств. Мой папа до старости был удивительно мужественный, галантный. Знаете, ему было уже 90, но он всегда вставал, когда ко мне приходили подруги... сидеть при дамах?»

На прощанье едва не расцеловались. Воодушевленные, мы с трудом вырвали себя из цепких пряничных лап ярмарки. В гардеробе Аня надела обновку, а вязаный берет пошел в освободившийся пакет. Мы выпорхнули на заснеженный Кузнецкий. Центральную часть улицы занимало... как назвать этот элемент городского дизайна? вытянувшееся во всю длину загадочное сооружение... из фанеры или ДСП... крепость? вал? – украшенное елками, шариками, бантами, скамейками... громоздкий и довольно несуразный праздничный монплеизир. К конструкции высокими слежавшимися горами был прибит снег, что невольно дополняло идею вала или крепости. Несмотря на пятницу, народа на улице было немного. Рядом играл на гитаре и пел, и хорошо пел, уличный исполнитель, одинокий аки перст. I am the passenger – вырывались изо рта бессмертные строки и клубы пара, и гасли в снегопаде. Никто не окружал адепта Игги Попа, а если что и падало в его кепку, то только хлопья снега. Как всегда, я запоздало пожалела, что нет с собой бумажных денег.

Было двадцать второе февраля две тысячи двадцать шестого года. Предстояло двадцать третье, за ним неизбежно следовало двадцать четвертое ноль второе, новая отечественная дата, будто специально подогнанная к соседнему дню по принципу тематической общности. День рождения моей свекрови... семейный, когда-то очень уютный и вкусный день. Теперь от слов двадцать четвертое февраля на сердце ложилась тоска, собирался ком тошноты... Такая симптоматика срабатывала не у всех, из-за чего постепенно или резко развалилось много прекрасных дружб и родственных связей.

Через четыре дня эту дату затмит новая... двадцать восьмое ноль второе двадцать шестого, но мы пока этого не знаем. С хорошенькой Аней в ее новой арт-норке аккуратно, чтобы не поскользнуться на брусчатке и не грохнуться, мы бредем в сторону Неглинки. Мы осматриваемся и придумываем, где бы нам потрепать.